

14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА. ВОССТАНИЯ МОГЛО НЕ БЫТЬ¹

Можно ли представить себе русскую историю без восстания декабристов? Без каре мятежных полков на Сенатской площади, без выстрела Каховского и смертельной раны Милорадовича, без картечи, ознаменовавшей кровавое подавление военного бунта в сердце страны? А главное, без того глубокого влияния, которое оказало восстание на все дальнейшее развитие русского общества, влияния, ощущаемого до сих пор? Трудно, не правда ли? В сущности, это была бы другая история.

Однако если спокойно и беспристрастно проанализировать ситуацию, то окажется, что восстание 14 декабря 1825 г. и последовавшее за ним восстание Черниговского полка были вовсе не так неизбежны, как это принято считать. Если бы не исключительное стечние обстоятельств на исходе 1825 г., связавшее в единое целое совершенно различные события и явления, восстания просто не было бы. Причем не только в тот момент, но и вообще никогда.

Оговорюсь сразу: закономерность движения декабристов сомнения не вызывает. Десятилетняя история тайных обществ ясно показывает, что их породили объективные противоречия российской действительности начала XIX в., а участники их ставили перед собой радикальные задачи — освободить страну от пут крепостничества и неограниченного самодержавного произвола. Речь о другом — о самой попытке захватить государственную власть путем военного пе-

¹ Отечественная история. 2002. № 3. С. 57–66.

реворота чайности — это Рассм нию на Се Перв видеть ко бы две-три ная масса ственно, в толь. Вот ш рованные офицера з ние о шире 1825 г. донят импер ко ли его рам офице быть распре участии в нейшие соб действител ства, а само толь. Однако точно убед в поисках н общества. В брение, Шер ности Ф. Ф. И ского полка состоит в се чив годичны ся в путь. 19 явил ему, чт бы действова того, что «пр ворил о необ

¹ См., наприм СПб., 1898. Т Александр I.

реворота. Вот она-то принадлежит скорее к числу исторических случайностей.¹ Рассмотрим же события, приведшие, в конце концов, к восстанию на Сенатской площади в Петербурге, а затем во 2-й армии на юге. Первое из них — внезапная смерть Александра I, ожидать и предвидеть которую ни у кого не было оснований. Прожив он еще хотя бы две-три недели, не говоря уже о более длительном сроке, основная масса членов тайных обществ была бы арестована, что, естественно, вообще исключило бы возможность восстания¹. Вот широко известные факты, давно собранные и проанализированные историками. Летом 1825 г. Александр I получил от унтер-офицера 3-го Украинского уланского полка И. В. Шервуда сообщение о широком противоправительственном заговоре на юге. 17 июля 1825 г. доносчика доставили в Петербург, и в тот же день он был принят императором. Александр спрашивал, как велик заговор и легко ли его будет раскрыть. Шервуд отвечал, что «по духу и разговорам офицеров вообще, а в особенности во 2-й армии, заговор должен быть распространен довольно сильно» и что он имеет сведения об участии в нем его знакомого — Ф. Ф. Вадковского. Как показали дальнейшие события, Шервуд оказался совершенно прав — Вадковский действительно был одним из деятельнейших членов Южного общества, а само общество особенно распространено было во 2-й армии. Однако рассказ этот показался Александру I все-таки недостаточно убедительным, и он приказал Шервуду действовать дальше в поисках неопровергимых доказательств существования тайного общества. В соответствии с планом, получившим высочайшее одобрение, Шервуд избрал одним из главных объектов своей деятельности Ф. Ф. Вадковского: «Начать предлагаю Нежинского конноегерского полка с прапорщика Вадковского, который, как мне известно, состоит в сем обществе, наблюдая за всеми его движениями». Получив годичный отпуск и тысячу рублей на издержки, Шервуд двинулся в путь. 19 сентября он встретился в Курске с Вадковским и объявил ему, что «выпросил отпуск на год единственno для того, чтобы действовать в пользу общества». Вадковский пришел в восторг от того, что «предприятие их, сверх чаяния, идет весьма хорошо», и говорил о необходимости истребить всю императорскую семью.

¹ См., например: Шильдер Н. К. Император Александр I, его жизнь и царствование. В 4-х т. СПб., 1898. Т. 4; Федоров В. А. «Своей судьбой гордимся мы...». М., 1988; Сахаров А. Н. Александр I. М., 1998.

О слышанном от Вадковского Шервуд донес А. А. Аракчееву, а тот — Александру I. Выехав 1 сентября 1825 г. из Петербурга в длительное путешествие по России, император получил это донесение уже в Таганроге. 11 октября он передал полученные бумаги начальнику Главного штаба И. И. Дибичу, который, однако, отнесся к ним скептически и уверял его, что все это «выдумки» и «контречитается вздором». Но Александр I отвечал ему: «Ты ошибаешься. Шервуд говорит правду, я лучше вас знаю людей». Уверенность Александра легко объяснима: к этому времени в его руках был еще один донос, подтверждавший существование в армии обширного заговора. А. К. Бошняку, агенту начальника южных военных поселений генерала И. О. Витта, удалось проникнуть в тайное общество. В августе 1825 г. Витт отправил донесение об этом Александру, а 19 октября был принят им в Таганроге. Судя по всему, императору была представлена картина заговора, охватившего чуть ли не всю армию. Как писал впоследствии Дибич Николаю I, Витт сообщал, что тайное общество «значительно увеличилось», что «18-я пехотная дивизия в особенности заражена сим духом и что в оной играет главную роль командир Вятского пехотного полка Пестель». В числе «деятельнейших» членов Витт назвал М. Ф. Орлова, В. Л. Давыдова, Н. А. Крюкова, В. Н. Лихарева, Н. М. Муравьева, Н. А. Бестужева, К. Ф. Рылеева.

После смерти Александра I при разборе его бумаг была обнаружена написанная его рукой записка, не имевшая ни адресата, ни даты. «Есть слухи, что пагубный дух вольнодумия или либерализма, — говорилось в ней, — разлит или по крайней мере сильно уже разливается и между войсками; что в обеих армиях, равно как и в отдельных корпусах, есть по различным местам тайные общества или клубы, которые имеют притом секретных миссионеров для распространения своей партии. Ермолов, Раевский, Киселев, Мих. Орлов, гр. Гурьев, Дмит. Столыпин и многие другие из генералов, полковников, полковых командиров; сверх сего большая часть разных штаб- и обер-офицеров».

Как только была обнаружена эта записка, стали выяснять, кому она предназначалась и для чего была написана. 18 марта 1826 г., в разгар следствия по делу декабристов, ее послали великому князю Константину Павловичу в Варшаву. Возвращая ее, тот написал 26 марта Дибичу: «Хотя покойный государь император изволил часто говорить со мною о подобных обстоятельствах, но об сей запи-

Аракчеев
Санкт-Петербурга
и это донесение
бумаги
ко, отнес-
ся и «кон-
чилось». Шер-
сть Алексея
еще один
заговор-
лений ген-
о. В авгу-
ст; а 19 ок-
тавру была
всю ар-
шал, что
пехотная
играет
». В чис-
Л. Давы-
Бестуже-
ла обна-
сата, ни
берализ-
ально уже
ки в от-
твала или
распро-
Орлов,
лковни-
х штаб-
жнег
кому
1826 г.,
му кня-
аписал
лил ча-
й запи-

ске я не знал, а полагаю, что она следовала или к графу Алексею Андреевичу, или к князю Александру Николаевичу Голицыну»¹.

И до сих пор эта записка Александра I остается столь же загадочной, какой была в 1826 г. для Николая I и его окружения. Ясно только, что она — результат размышлений императора после первых полученных доносов. Вероятнее всего, записка была написана после разговора с Виттом.

И вот 10 ноября 1825 г. Александр I решился, наконец, действовать. Он более не колебался: нужны были решительные меры. Дибичу был отдан приказ отправить полковника лейб-гвардии Казачьего полка С. С. Николаева под предлогом покупки лошадей в Харьков для ареста там Ф. Ф. Вадковского и его сообщников. Дибич снабдил Николаева письмом к Шервуду, где просил, чтобы тот «указал способы» схватить «заговорщиков». Однако Николаев решил, что для ареста мало одних только словесных показаний Шервуда, а необходимы вещественные улики. Добыть их удалось лишь две недели спустя, в начале декабря. Под воздействием Шервуда Вадковский написал обширное письмо Пестелю, где откровенно говорилось о замыслах и деятельности тайного общества. В письме были названы и имена многих декабристов: С. П. Трубецкого, А. П. Барятинского, С. И. и М. И. Муравьевых-Апостолов, а также П. Х. Граббе и М. Ф. Орлова, уже отошедших к тому времени от общества. Передать письмо Вадковский поручил Шервуду. 8 декабря Николаев вернулся с этим письмом в Таганрог, чтобы получить дальнейшие инструкции.

Но пока он отсутствовал, ситуация резко изменилась. 19 ноября скончался Александр I. А 1 декабря в Таганроге был получен еще один донос — от близкого к Пестелю члена Южного общества капитана Вятского пехотного полка А. И. Майбороды. В нем были перечислены имена уже 46 декабристов, в том числе почти всех руководителей Южного общества и многих членов Северного. Во всех трех доносах главой заговора на юге назывался командир Вятского пехотного полка П. И. Пестель.

Никаких сомнений не оставалось, и даже смерть императора не могла уже остановить аресты, тем более что первое распоряжение о них было отдано еще самим Александром 10 ноября. 5 декабря из Таганрога выехал генерал-адъютант А. И. Чернышев с приказом Дибича арестовать Пестеля, что и произошло в Тульчине 13 декабря.

¹ ОР РНБ. Ф. 859 (Н. К. Шильдера). К. 25. № 20. (Это защищено правом — внат.)

А 11 декабря в Курске был арестован Ф. Ф. Вадковский. Все это, заметим, происходило до 14 декабря, до восстания на Сенатской площади.

Подведем первые итоги. Верховной власти уже за несколько недель до восстания стало известно о существовании тайных обществ на севере и юге страны. Были названы десятки имен участников движения. Еще немного времени, и многочисленные аресты привели бы к разгрому движения. Но в дело вмешался нелепый случай — смерть императора вдалеке от столицы. Именно это дало декабристам единственный шанс открыто заявить о своих притязаниях на изменение хода российской истории.

Об открытом выступлении, «революции посредством войск» для осуществления заветных целей в тайных обществах помышляли давно. Но в конце 1825 г. члены их еще не считали себя готовыми к этому. На 1826 г. намечался съезд Северного и Южного обществ, который должен был обсудить разногласия, возникшие между двумя центрами движения, а возможно, и условия совместного выступления. Неподготовленность декабристов в этот момент к решительным действиям с полной очевидностью продемонстрировали и события конца 1825 г.

Неожиданная смерть Александра I создала сложную ситуацию. У императора не было детей, и на престол, согласно принятому Павлом I закону о престолонаследии, должен был вступить старший из братьев скончавшегося императора — цесаревич Константин Павлович. Поэтому вся Россия первоначально присягнула новому императору Константину. Однако внезапно выяснилось, что Константин царствовать не желает и что еще в 1823 г. были оформлены, но не оглашены документы, передающие русский престол следующему брату — Николаю. Это было второе роковое обстоятельство, приведшее к восстанию.

Несмотря на то что декабристы не раз обсуждали вопрос о возможности открытого выступления именно в момент смены одного императора другим, первая присяга, принесенная Константину, прошла без всяких осложнений. Но после его отказа в столице на 14 декабря 1825 г. была назначена новая присяга. Если бы это обстоятельство не возникло, то, вероятнее всего, представившийся случай остался бы неиспользованным. Одного теоретического замысла для реального выступления было недостаточно. Нужны были особые условия. Именно такие условия возникли в краткий период междуцарствия — время, прошедшее от первой присяги Константину до новой

й. Все это, замечательной площади. а несколько не- айных обществ участников дви- ты привели бы чай — смерть аристократам един- к на изменение вом войск» для омышляли дав- отовыми к это- цеств, который двумя центра- ступления. Не- ительным дей- и события кон- чную ситуацию. принятому Пав- ть старший из нстантин Пав- ла новому им- , что Констан- формлены, но следующему ъству, привед- вопрос о воз- смены одного стантину, про- лице на 14 де- это обстоя- шийся случай замысла для или особые у- под междуцар- тину до новой

присяги Николаю (всего 17 дней: от 27 ноября до 13 декабря). Прекрасно понимая уникальность создавшихся обстоятельств, декабристы сознавали, что не воспользоваться ими было бы равносильно отказу от целей общества.^{тогда он попытается отвергнуть} Но как вообще могла возникнуть эта странная ситуация? Что привело к небывалому в истории династическому кризису, когда не боролись за трон, а отказывались от него? Кризису, который чуть было не закончился низложением династии Романовых? Почему документы о передаче престола Николаю не были оглашены при жизни Александра I и не обрели, таким образом, силу закона? Для ответа на эти вопросы нужно отступить несколько назад и коснуться весьма деликатных сюжетов — намерения Александра I отречься от престола и нежелания царствовать Константина.^{тогда он падает в ярость} Мысль о непомерной тяжести бремени государственной власти, желание избежать уголовной ему самим рождением участия быть российским императором появились у Александра еще в юности. Об этом он писал самым близким людям — своему наставнику швейцарцу Ф. де Лагарпу и ближайшему другу графу В. П. Кочубею. 10 мая 1796 г. в письме к Кочубею он замечал: «Одним словом, мой любезный друг, я сознаю, что не рожден для того сана, который ношу теперь, и еще менее для предназначеннаго мне в будущем, от которого я дал себе клятву отказаться тем или другим способом... Мой план состоит в том, чтобы по отречении от этого неприглядного поприща (я не могу еще положительно назначить время сего отречения) поселиться с женою на берегах Рейна, где буду жить спокойно частным человеком, полагая свое счастье в обществе друзей и в изучении природы». В другом письме, находясь под впечатлением от действий фаворита Екатерины II П. Зубова, он констатировал: «В наших делах господствует неимоверный беспорядок: грабят со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя стремится лишь к расширению своих пределов». «При таком ходе вещей, — задавался вопросом Александр, — возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более исправлять укоренившиеся в нем злоупотребления?» И тут же отвечал себе: «Это выше сил не только человека, одаренного, подобно мне, обычновенными способностями, но даже и гения»¹. Выход представлялся ему только в отказе от ожидавшего его престола.^{тогда библиодека забывает о нем}

¹ Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I. СПб., 1857. С. 32–33 (Приложение); Шильдер Н. К. Указ. соч. СПб., 1897. Т. 1. С. 114.

Намерения отречься от престола не оставляли Александра и после воцарения Павла I. Однако они приобрели уже иной облик. Первый же год царствования отца убедил Александра, что его долг сперва попытаться осуществить конституционное переустройство страны и лишь затем сложить с себя бремя царской власти. «Если когда-либо придет и мой черед царствовать, — писал он Лагарпу 27 сентября 1797 г., — то вместо добровольного изгнания себя я сделаю несравненно лучше, посвятив себя задаче даровать стране свободу и тем не допустить ее сделаться игрушкою в руках каких-либо безумцев... Нужно будет стараться, само собою разумеется, постепенно образовать народное представительство, которое, должным образом руководимое, составило бы свободную конституцию, после чего моя власть совершенно прекратилась бы, и я, если Провидение благословит нашу работу, удалился бы в какой-нибудь уголок и жил бы там счастливый и довольный, видя процветание своего отечества и наслаждаясь им»¹.

Перенесемся теперь на много лет вперед, в годы наивысшего триумфа Александра I — победителя Наполеона, освободителя Европы, неограниченного властителя огромной империи. Несмотря на блестательные успехи и мировую славу, именно в эти годы Александр вновь возвращается к мысли об отречении от престола. Существенным свидетельством об этом являются воспоминания цесаревича Константина Павловича. Сам Константин мемуаров не писал, но часто делился своими воспоминаниями с окружающими. Несколько таких рассказов были записаны в 1829 г. А. И. Михайловским-Данилевским со слов П. Д. Киселева, крупного государственного деятеля николаевского царствования, в свое время бывшего генерал-адъютантом Александра I. Приведем целиком эту важнейшую запись Михайловского-Данилевского. 10 июля 1829 г. он записал в дневнике: «Во время вечерней прогулки я встретился с ген. Киселевым, мы разговаривали с ним о дворе, вот нечто от него слышанное: „В 1819 г. государь Александр Павлович возвращался из Варшавы. Его провожал до Москвы старший цесаревич, который сам следующее обстоятельство рассказал Киселеву, что я и помещаю здесь в виде разговора. Александр. Я должен сказать тебе, брат, что я хочуabdиковать (то есть отказаться от престола. — С. М.), я устал и не в силах сносить тягость правительства. Я тебя предупреждаю для того, чтобы ты подумал, что тебе надобно будет делать в сем случае.“

¹ Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 1. С. 163–164.

нер
ги.
буд
дет
ко,
наш
и ти
ла, и
ва. Г
и уг
и на
о том
и угс
новь
нача
ведши
проек
тем н
ми сл
ведом
в Вар
проект
сужда
дил е
под ру
работ
ние к
да Але
стояло
Тут не
речься
мото
1 ОР
соч.
2 См.
ХIX

Константин. Тогда я буду просить у вас место второго камерднера вашего, я буду вам служить и, ежели нужно, чистить вам сапоги. Когда бы я теперь это сделал, то почли бы подлостью, но тогда вы будете не на престоле — я докажу преданность мою к вам как благодетелю моему. — При сих словах государь поцеловал меня так крепко, — присовокупил цесаревич, — как еще никогда в сорок пять лет нашей жизни он меня не целовал.

Александр. Когда придет времяabdиковать, то я тебе дам знать, и ты мысли свои напиши к матушке¹.

Следовательно, догадка моя об отречении императора от престола, которую я поместил в журнале моем 1817 года, была справедлива. Государю хотелось перед отречением издать новые гражданские и уголовные законы и еще несколько коренных постановлений, чем и намеревался заключить свое царствование². В этой записи особое внимание привлекают последние слова о том, что до отречения Александр хотел издать «новые гражданские и уголовные законы и еще несколько коренных постановлений». Над новыми уголовными и гражданскими кодексами в конце 1810-х — начале 1820-х гг. действительно шла интенсивная работа, не приведшая, впрочем, к положительным результатам. Подготовленные проекты кодексов были обсуждены в Государственном совете, а затем навсегда отложены. Но что скрывается под довольно туманными словами «еще несколько коренных постановлений»? Человеку осведомленному нетрудно догадаться об этом. Именно осенью 1819 г. в Варшаве, откуда возвращался император, шла активная работа над проектом российской конституции. Александр I несколько раз обсуждал ее принципы с Н. Н. Новосильцевым, а перед отъездом утвердил ее основные положения. В том же 1819 г. несколько чиновников под руководством графа Д. А. Гурьева по распоряжению Александра I работали над проектом освобождения крепостных крестьян. Изданье конституции и отмена крепостного права представлялись тогда Александру I вполне реальным делом². В это-то самое время и состоялся столь примечательный разговор императора с наследником. Тут нельзя не вспомнить письмо 1797 г. к Лагарпу о намерении отречься от престола, когда удастся даровать народам России конституцию.

¹ ОР РНБ. Ф. 488 (А. И. Михайловского-Данилевского). № 25. Л. 47–48; ср.: Шильдер Н. К. Указ соч. Т. 4. С. 146 (пер. с франц.).

² См.: Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

тиционное устройство. Трудно отказаться от мысли, что успешная работа над проектом конституции и прямо высказанное императором намерение отречься тесно связаны между собой.

В рассмотренной ситуации достаточно отчетливо улавливается схема 1797 г. Появился, впрочем, и один новый аргумент в пользу отречения — накопившаяся усталость от бремени правления. О том, что такой огромной державой можно управлять, только пока чувствуешь в себе достаточно физических сил, Александр I, по свидетельству А. И. Михайловского-Данилевского, впервые заговорил еще в 1817 г. Надо сказать, что Михайловский-Данилевский как флигель-адъютант императора в течение многих лет сопровождал его и в заграничных походах, и в многочисленных поездках по России и по Европе. Однажды за обедом, как рассказывал Михайловский-Данилевский, зашел разговор об обязанностях различных людей, в том числе и монархов. Александр сказал среди прочего, что правитель «должен оставаться на своем месте, пока ему позволяют это его физические силы». Словом, до тех пор, пошутил Александр, «пока он может сесть на лошадь». «При этих словах, — продолжает Михайловский-Данилевский, — на устах государя явилась улыбка выразительная, и он продолжал: „Что касается меня, я сейчас чувствую себя хорошо, но через десять или пятнадцать лет, когда мне будет пятьдесят, тогда...“». Эти слова заставили Михайловского-Данилевского задуматься, нет ли у Александра I «в душе мысли об отречении от престола»¹.

Приведенный выше рассказ Константина Павловича, дошедший до нас далеко не прямо, находит свое подтверждение в письменных свидетельствах других членов царской семьи. Николай I и его жена Александра Федоровна согласно вспоминали о другом разговоре, который состоялся у них с Александром I летом 1819 г., то есть за несколько месяцев до объяснения императора с Константином. В больших маневрах, шедших в это время в Красном Селе, участвовала гвардейская бригада, которой командовал великий князь Николай Павлович. На маневрах присутствовал Александр I. За обедом у Николая, когда никого, кроме великокняжеской четы, не было за столом, он сказал им, что намерен отречься от престола. А так как брат Константин также отказывается царствовать, то наследником станет Николай. В 1825 г. в период междуцарствия воспоминание об этом разговоре занесла в свой дневник Александра Федоровна. По ее рас-

¹ Русская старина. 1897. № 6. С. 473 (пер. с франц.).

сказу, Александр говорил тогда: «Брат Константин, который никогда не заботился о престоле, теперь более чем когда-либо решил формально от него отказаться и передать свои права своему брату Николаю и его потомкам. Что же касается меня, то я решил отказаться от своих обязанностей и удалиться от мира... Европа более чем когда-либо нуждается в государях молодых и обладающих вполне энергией и силой, — продолжал он, — а я уже не тот, что был, и считаю своим долгом вовремя удалиться»¹.

Более подробно о состоявшемся летом 1819 г. разговоре вспоминал в своих мемуарах Николай I, писавший их для своих детей в несколько приемов в 1830–1840-х гг. По его словам, Александр говорил тогда, «„что он чувствует, что силы его ослабевают, что в нашем веке государям, кроме других качеств, нужна физическая сила и здоровье для перенесения больших и постоянных трудов; что скоро он лишится потребных сил, чтобы по совести исполнять свой долг, как он его разумеет, и что потому он решился, ибо сие считает долгом, отречься от правления с той минуты, когда почувствует сему время. Что он неоднократно о том говорил брату Константину Павловичу, который, быв одних с ним почти лет, в тех же семейных обстоятельствах, при том имея природное отвращение к сему mestу, решительно не хочет ему наследовать на престоле, тем более что они оба видят в нас знак благодати Божией, дарованного нам сына. Что поэтому мы должны знать наперед, что мы призываемся на сие достоинство“. Мы были поражены, как громом. В слезах, в рыдании от сей ужасной неожиданной вести мы молчали!» В ответ на все возражения Николая, что у него нет способностей, чтобы управлять столь огромной страной, Александр приводил брату в пример самого себя. Он получил страну в «совершенном запустении», но многое сумел исправить и улучшить, и потому Николай «найдет все в порядке, который тому останется только удерживать»². Таким образом, можно не сомневаться, что летом — осенью 1819 г. в императорской семье обсуждался вопрос не только о передаче права на престол от Константина к Николаю, но и о возможном отречении от престола Александра I.

¹ Императрица Александра Федоровна в своих воспоминаниях // Русская старина. 1896. № 10. С. 53 (пер. с франц.).

² Междусрочие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М., Л., 1926. С. 13–14.

доровной, которая еще в 1801 г. покинула Россию и больше в нее не возвращалась. Через несколько месяцев было объявлено, что он вступил в новый брак с польской графиней Иоанной Грудзинской. Не принадлежа ни к одной из царствующих династий, новая жена цесаревича по существующему законодательству не получала никаких привилегий, кроме присвоенного ей титула княгини Лович. Однако Константин Павлович, вступив в новый брак, вовсе не утратил свои права на русский престол, как нередко пишут иные исследователи. Этих прав лишились только его дети, если бы им было суждено появиться на свет.
На протяжении следующих двух лет вопрос о престолонаследии больше не поднимался. Только в начале 1822 г. живший в это время в Петербурге Константин Павлович решил добиться окончательного решения. После нескольких обсуждений, в которых принимала участие вдовствующая императрица Мария Федоровна (мать Александра, Константина, Николая и Михаила), в один из январских дней 1822 г. Александр уступил настойчивым просьбам брата. Решено было, что Константин письменно обратится к императору с просьбой о передаче престола другому наследнику. 14 января 1822 г. Константин передал брату письмо, в котором писал: «Не чувствуя в себе ни тех дарований, ни тех сил, ни того духа, чтоб быть когда бы то ни было возведену на то достоинство, к которому по рождению моему могу иметь право, осмеливаюсь просить Вашего Императорского Величества передать сие право тому, кому оно принадлежит после меня, и тем самым утвердить навсегда непоколебимость положения нашего государства». Спустя две недели Александр собственноручно ответил Константину, объявляя, что он и мать согласны на его отречение от права на престол. Однако имя нового наследника не было названо. На это стоит обратить внимание, как и на то, что после обмена письмами, столь важными для судьбы страны, Александр еще целых полтора года не предпринимал никаких шагов, чтобы придать отречению Константина законную форму.

Только в августе 1823 г. был, наконец, подготовлен манифест, в котором наследником российского престола объявлялся великий князь Николай Павлович. Манифест был составлен архиепископом Московским Филаретом, исправлен императором, переписан и отправлен в запечатанном конверте в Москву, где должен был храниться в Успенском соборе, в том же ковчеге, где находились основные государственные акты. Копии манифеста, тоже в запечатанных конвертах, были от-

и больше в нее явлено, что он Грузинской. новая жена це-лучала никаких Лович. Однако е утратил свои исследователи. о суждено поя-
мешко в член престолонасле- живший в это биться оконча- торых прини- дровна (мать из январских м брата. Реше- атору с прось- я 1822 г. Кон- вствуя в себе б когда бы то рождению мо- императорско- длежит после положения твенноручно и на его отре- ика не было то после об- ександра еще обы придать
нифест, в ко- ликий князь пом Москов- отправлен ться в Успен- осударствен- тах, были от- правлены на хранение в Государственный совет, Синод и Сенат. Из текста манифеста очевидно, что новый наследник назначался на случай внезапной смерти императора. Ни на какую возможность отречения самого Александра в нем не было и намека¹. Это же следовало и из собственноручных надписей Александра I на конвертах. Так, на конверте, предназначенному Государственному совету, он написал: «Хранить в Государственном совете до моего востребования, а в случае моей кончины раскрыть прежде всякого другого действия в чрезвычайном собрании». Однако манифест так и не был оглашен и поэтому не получил законной силы. Это было подтверждено событиями ноября 1825 г.

Итак, дело было сделано, но в абсолютной тайне. Кроме Александра I, Константина и Марии Федоровны о существовании манифеста знали только три человека: А. А. Аракчеев, А. Н. Голицын (его рукой были переписаны копии, посланные в Государственный совет, Синод и Сенат) и архиепископ Филарет. Эта-то тайна и стала тем фактором, который спровоцировал восстание 14 декабря. Опубликуй Александр I эти секретные документы, появись царский манифест еще в 1823 г., не мог бы возникнуть потом сам факт двух присяг. Именно об этом писал много лет спустя в своих воспоминаниях декабрист А. Е. Розен: «Войска... спокойно бы присягнули бы Николаю, если бы воля Александра I была сообщена им законным порядком»². Почему же Александр I этого не сделал? Мог ли он не понимать, что, оставляя манифест в тайне, ставит под угрозу основополагающий принцип любой монархии — законность перехода власти от одного самодержца к другому? В это поверить нельзя. Тогда в чем же дело? Рискнем выдвинуть одну гипотезу, хотя ее трудно подкрепить фактическими данными. К 1822 г. император окончательно похоронил идею конституционного переустройства России. Однако он был не в силах расстаться с тем, к чему стремился почти всю жизнь. Именно в то время, когда один за другим рушились его планы и приходило понимание недостижимости задуманного, обернувшееся для него тяжелым душевным кризисом, уходом в мистицизм, императору пришлось решать вопрос о престолонаследии. Оглашение манифеста, где наследником без всяких условий назван Николай, означало для Александра окончательное признание самому себе, что с мечтами о конституции и одновременном собственном отречении покончено навсегда. Это было психологи-

¹ Корф М. А. Указ. соч. С. 25–28.

² Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 119.

гически трудно. Поэтому, уступая настоянию Константина, Александр подготовил все необходимое для законного оформления перехода права на престолонаследие от одного своего брата к другому, но так и не решился придать документам официальную силу, оставляя себе иллюзию о возможности иного выбора. В действительности же нерешительность царя вела не только к отказу от коренных реформ, но создавала особые условия для вооруженного бунта гвардии.

Александр I умер 19 ноября 1825 г. в Таганроге. 25 ноября, получив известие, что Александр умирает и надежды на его спасение нет, Николай Павлович бросился к матери в Зимний дворец и впервые достоверно узнал от нее, что существует официальный акт, передающий корону от Константина ему, Николаю. Официальная версия последовавших за этим событий, изложенная позже по приказанию Николая, утверждала, что инициатором присяги Константину был именно Николай. На самом деле все обстояло иначе. Ф. П. Опочинин, бывший адъютант Константина, человек вполне осведомленный, рассказал о происходившем декабристу С. П. Трубецкому. По его словам, узнав от матери о манифесте, Николай заявил петербургскому генерал-губернатору графу М. А. Милорадовичу о своем праве на престол и намерении его занять. Но «граф Милорадович отвечал на отрез, что вел. кн. Николай Павлович не может и не должен никак надеяться наследовать брату своему Александру в случае его смерти; что законы империи не позволяют государю располагать престолом по завещанию, что притом завещание Александра известно только некоторым лицам и неизвестно в народе; что отречение Константина также не явное и осталось необнародованным; что Александр, если хотел, чтоб Николай наследовал после него престол, должен был обнародовать при жизни своей волю свою и согласие на нее Константина; что ни народ, ни войско не поймут отречения и припишут все измене, тем более что ни государя самого, ни наследника по первородству нет в столице, но оба были в отсутствии; что, наконец, гвардия решительно откажется принести Николаю присягу в таких обстоятельствах, и неминуемое затем последствие будет возмущение. Совещание продолжалось до двух часов ночи. Великий князь доказывал свои права, но гр. Милорадович их признать не хотел и отказал в своем содействии»¹. С этого момента одним из главных действующих лиц междуцарствия становится Милорадович.

¹ Трубецкой С. П. Записки // Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 1. С. 313–314.

В томительном ожидании прошло более суток, пока, наконец, утром 27 ноября фельдъегерь не привез известие о кончине Александра. В этот момент Николай, его мать и жена были в большой церкви Зимнего дворца. Николай писал потом: «Дверь в переднюю была стеклянная, и мы условились, что, буде приедет курьер из Таганрога, камердинер сквозь дверь даст мне знак. Только что после обедни начался молебен, знак мне был дан камердинером Гриммом. Я тихо вышел и в бывшей библиотеке, комнате короля прусского, нашел графа Милорадовича; по лицу его я уже догадался, что роковая весть пришла. Он мне сказал: „Все кончено, мужайтесь, дайте пример“, и повел меня под руку; так мы дошли до перехода, что был за кавалергардскою комнатою. Тут я упал на стул — все силы меня оставили»¹.

Дальше все шло так, как того хотел Милорадович. Николай присягнул новому императору Константину, за которым — Милорадович и присутствовавшие генералы. Затем Николай немедленно привел к присяге внутренний и главный дворцовые караулы, а начальника штаба Гвардейского корпуса А. И. Нейдгарта послал в Александро-Невскую лавру, где собран был для молебна о здравии императора гвардейский генералитет во главе с генералом А. Л. Воиновым.

Вскоре полки стали повсеместно присягать Константину. Удивленные современники заметили явную несообразность в порядке присяги: вместо гражданских властей первыми присягнули войска. Петербургский гарант завещания покойного императора князь А. Н. Голицын оказался во время присяги в Лавре. Услышав о смерти Александра, он бросился во дворец. «В исступлении, вне себя от горя, но и от вести во дворце, что все присягнули Константину Павловичу, он начал мне выговаривать, зачем я брату присягнул и других сам завлек, и повторил мне, что слышал от матушки, и требовал, чтобы я повиновался мне неизвестной воле покойного государя; я отверг сие неуместное требование положительно, и мы расстались с князем: я — очень недовольный его вмешательством, он — столь же моей неуступчивостью»², — вспоминал Николай.

После того как войска присягнули первыми, надо было организовать присягу правительственные учреждений и прежде всего Государственного совета. Поскольку именно здесь хранился один из экземпляров манифеста, то при приведении к присяге его членов во-

¹ Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 38.

² Там же. С. 39.

прос о престолонаследии должен был неизбежно встать с особой остротой. После двух часов пополудни собрался Государственный совет. Голицын сообщил о хранящемся здесь завещании Александра. Часть членов Совета не склонна была знакомиться с завещанием усопшего императора, которое могло привести их к столкновению с живым. Министр юстиции князь Д. И. Лобанов-Ростовский и адмирал А. С. Шишков предложили не распечатывать пакет, а идти присягать Константину. Но большинство решило иначе, и пакет был принесен. Ожидали только Милорадовича. Но последний, явившись в Совет, не выразил никакого желания слушать чтение бумаг: «Я имею честь донести Государственному совету, — сказал он, — что его императорское высочество великий князь Николай Павлович изволил учинить присягу на подданство старшему брату своему императору Константину Павловичу. Я, военный генерал-губернатор, и войска уже присягнули его величеству, а потому советую господам членам Государственного совета прежде всего тоже присягнуть, а потом уж делать, что угодно!»

Однако большинство Совета все же настояло на том, чтобы заслушать манифест Александра и письмо Константина. Бумаги были прочитаны, и положение членов Государственного совета стало весьма двусмысленным. Решив выполнить волю покойного императора, они противопоставили бы себя генералитету, гвардии, наконец, законному наследнику, который мог и отказаться от своего прежнего решения. Члены Совета пожелали все же пригласить Николая в Совет. Пошедший за ним Милорадович сообщил, вернувшись, что, не будучи членом Государственного совета, великий князь не считает себя вправе явиться в таковой. Тогда Совет попросил Милорадовича исходитьствовать у великого князя разрешения самим явиться к нему в полном составе.

Бледный, взволнованный Николай, по свидетельству государственного секретаря А. Н. Оленина, заявил членам Совета: «Господа, я вас прошу, я вас убеждаю, для спокойствия государства немедленно, по примеру моему и войска, принять присягу на верное подданство государю императору Константину Павловичу. Я никакого другого предложения не приму и ничего другого и слушать не стану». По словам Оленина, Николай тут же ясно заявил членам Совета, что ему известно содержание манифеста и письма цесаревича об отречении.

встать с особой
законной земли
зенный совет. Го-
лександра. Часть
щанием усопше-
кновению с жи-
ский и адмирал
идти присягать
т был принесен.
шись в Совет, не
И имею честь до-
его император-
зволил учинить
ратору Констан-
войска уже при-
ленам Государ-
том уж делать,
днако, скроен
том, чтобы за-
Бумаги были
ета стало весь-
го императора,
и, наконец, за-
оего прежнего
Николая в Со-
лись, что, не бу-
е считает себя
адовича исхо-
ваться к нему
государ-
вета: «Госпо-
арства нёмед-
а верное под-
у. Я никакого
ушать не ста-
членам Сове-
есаревича об

-ни). Тогда же решили не вскрывать пакет с завещанием, хранившийся в Сенате, и не знакомить с ним сенаторов. Государственный совет присягнул Константину¹. Вскоре присягнул и Сенат.

Четыре года спустя Николай сказал Константину в личной беседе: «В тех обстоятельствах, в которых я был поставлен, мне невозможно было поступать иначе»².

Таким образом, в первый же день, когда было получено известие о смерти Александра, произошло резкое столкновение двух сил: с одной стороны, тех, кто пытался сохранить законность, хотя бы в юридических нормах абсолютной монархии, и с другой — претендента на престол, выдвинутого его предшественником с полным пренебрежением к закону. Николай, опираясь на манифест, заявил о своих правах на престол, но Милорадович, в руках которого как военного генерал-губернатора была решающая военная сила, резко этому воспротивился и фактически принудил Николая отступить и первым присягнуть Константину, признав его императором. Тут же присягнули и войска. Заметим, что присяга Государственного совета протекала в условиях этих уже совершившихся фактов. Тем не менее, как мы видели, она прошла с серьезными затруднениями. Только лично убедившись, что Николай, игнорируя волю покойного брата, присягнул Константину, члены Государственного совета последовали его примеру, и с этого момента официально началось царствование императора Константина (хотя впоследствии было столь же официально признано, что царствование Николая I началось с момента смерти Александра I).

Однако сам Константин присяги не признал. Он был тверд в своем отказе царствовать. Подумать только! Огласи Александр I состоявшееся отречение Константина, объяви он Николая своим законным преемником, не было бы вообще никакого спора о том, кто должен царствовать, не было бы ни присяги Константину, ни междуцарствия, ни династического кризиса — словом, не возникла бы вся та сложная и удивительная ситуация, которая сделала возможным восстание декабристов.

Нельзя пройти мимо и еще одного обстоятельства. Декабристам удалось вывести мятежные полки на площадь во многом благодаря тому, что Константина не было в столице. Его отсутствие — результат многих обстоятельств. В истории до сих пор не существует

¹ Корф М. А. Указ. соч. С. 59.

² Там же. С. 101.

единого мнения о причинах, заставивших официального наследника престола остаться в Варшаве. Очевидно одно, окажись Константин 14 декабря в Петербурге, и дело приняло бы совсем иной оборот.

Итак, цепь невероятных случайностей, которая могла прерваться в любую минуту, привела к тому, что восстание 14 декабря 1825 г. все-таки произошло: появилась уникальная возможность осуществления планов политических и социальных преобразований, которые строили декабристы. Прекрасно понимая это, И. И. Пущин писал 12 декабря 1825 г. в Москву: «Случай удобен, ежели мы ничего не предпримем, то заслуживаем во всей силе имя подлецов»¹.

Вряд ли можно принимать всерьез рассуждения о том, что внезапная смерть Александра I, нарушив обычное течение событий, помешала декабристам, что в ином случае действия их были бы более продуманными, а после объединительного съезда, намеченного на лето 1826 г., прибавилось бы и сил. Надеюсь, читателю ясно, что этого не произошло бы: в любом случае большинству декабристов предстояло вскоре оказаться за решеткой.

Подчеркнем особо, что после арестов, следствия, суда, ссылки декабристов в Сибирь ничего, подобного их тайным обществам, в России больше не возникало. Освободительное движение приняло иные формы, а идеиное направление его существенно отличалось от декабристского. Хотя побудительные причины — крепостное право и неограниченное самодержавие — оставались прежними, но об изменении политического и социального строя путем военного переворота речь никогда уже не шла (во всяком случае в XIX в.).

Великая французская революция, не произойди она в 1789 г., все равно произошла бы раньше или чуть позднее. Она была неизбежна. Восстание же декабристов, не открайся для него совершенно особая возможность в декабре 1825 г., так и осталось бы навсегда лишь проектом, мечтой. Именно в этом коренное отличие восстания декабристов от современных ему революционных событий в других странах.

Но анализ причин и своеобразия самого движения декабристов — задача другого исследования.

¹ Пущин И. И. Сочинения и письма. М., 1999. Т. 1. С. 80.